

Ведерниковский Станок

(героическая трагедия о 1905 годе)

Пьеса в 8 действиях, 6 картинах

Действующие лица:

Егор Ничков – дружинник, в прошлом каторжный, ссыльнопоселенец, из крестьян «аграриев».

Архип Михайлов – дружинник, в прошлом каторжный, убивец.

Быков Василий Петрович – штабс-капитан, офицер Сахалинского отряда, будущий герой партизанской борьбы на острове.

Ландсберг Карл Христофорович – командир 1 Александровской дружины, бывший гвардейский офицер, бывший каторжный, почетный гражданин

Александровска.

Филимонов Николай Петрович – капитан, офицер Сахалинского отряда, будущий герой партизанской борьбы.

Кругликов Иван Николаевич – подпоручик, офицер-артиллерист Сахалинского отряда.

Ляпунов Михаил Николаевич – генерал-лейтенант юстиции, военный губернатор о.Сахалин.

Евдокия (Дунька) – «Казенная» жена Егора Ничкова.

Исправник – офицер тюремного ведомства.

Болдырев, Тарасенко, Домницкий – обер-офицеры Сахалинского отряда.

Отец Георгий – священник тюремной церкви.

Кобылянский – бессрочно каторжный, будущий предатель.

Фенечка – служанка и тайная сожительница Ляпунова, из каторжных.

Ольга Ивановна – ссыльная из «политических».

Такаси Кумэда – японский офицер.

Арестанты, русские и японские солдаты, дружинники, горожане, беженцы.

Действие первое

Изба ссыльнопоселенца Егора Ничкова. В комнате стол, лавка, кровать. На стене навесной шкафчик. Угол комнаты отгорожен ширмой. За нею одевается исправник. Позднее утро. На кровати среди взбитых подушек потягивается полная полуодетая молодая женщина. Это Евдокия «казенная» жена Егора. Задирая кверху полные как тумба ноги, она как бы любит ими, одновременно грызя орехи и сплевывая шелуху прямо на пол. Входит Егор с вязанкой дров. Это крепкий мужичонка лет 40, из крестьян. Лет 10 назад попал на каторгу за участие в крестьянском бунте. Таких преступников называли «аграрии». Отсидев свой срок, Егор вынес из тюрьмы отвращение к уголовному миру и твердое убеждение, что на Сахалине крестьянствовать можно. Осев на земле, Егор все жилы из себя вымотал, чтобы наладить «справное» хозяйство. И у него это получилось. Вот только хозяйки в доме не хватало. За неимением свободных женщин на острове. И вот администрация каторги месяц назад предложила ему разгульную бабенку. У Егора выбора не было. Из-за ширмы, не стыдясь мужа, выходит господин исправник, не спеша, натягивая на себя мундир с синими кантами тюремного ведомства. И с п р а в н и к (Егору) – Евдокия–то Ивановна жалится на тебя изволят! Худо её содержишь. На неё и благородные господа заглядываются. Гляди, Егор, ты меня знаешь, я всегда за порядок стою... Коли, что не так, заберу сожительницу от тебя. Мне как раз кухарка нужна. Береги Дуньку! Баба что надо...

Исправник подает Евдокии кулек с мармеладом

На! Держи мармеладок, сладкая...

Дверь за исправником захлопнулась. В комнате повисла тяжелая пауза. Егор достает из шкафчика бутылку мутной жидкости, садится за стол и наливает себе стакан «для храбрости». Выпил залпом и стал буровить глазами свою сожительницу. На лице Евдокии ни тени раскаяния, лишь кривая ухмылка. Она продолжает своё прежнее занятие. (Накал разговора нарастает по мере продолжения)

Е г о р – Так какого тебе еще рожна надобно?

Д у н ь к а (с вызовом) - Какавы желаю... чтобы с нанасом!
Меня клиенты завсегда нанасами угощают!

Е г о р – Порченная ты, как я погляжу. Нешто на Сахалине можно о таком помышлять? И не стыдно тебе слово-то экое поганое произносить? Нанас... выдумают же проказники! Тьфу...

Дунька изгибается на постели животом кверху, руки назад откинула, словно больная падучей, разкапризничилась:

Д у н ь к а – Любви хочу ... чтоб с марафетом! Чтобы неземная страсть была, чтобы кавалеры меня вениками опахивали!..

Е г о р – Уймись, тварь! И не стыдно тебе безобразничать? Я ведь тебе не какой-нибудь кандибобер, чтобы неземное показывать... Ты долго ещё, подлюка, изгиляться надо мною станешь? Я тебе сейчас таких нанасов накидаю, что вовек не забудешь...

Егор поднимается с лавки и направляется к кровати. Дунька прыскает за дверь. С улицы доносится её жалобный вой

Д у н ь к а – Ой люди добрые, и где тут полиция? Убил меня изверг-то мой! Моченьки моей больше не стало... помираю!

Егор выскакивает вслед за сожительницей, чтобы остановить её с причитаниями О господи, вот беда-то! На улице звучит свисток полицейского. В избу, разгоряченная вваливается Дунька и бухается на кровать.

Д у н ь к а – У-убил! Пусть теперь на нарах покомандует! Измучилась ... марафету хочу!

В избу входит Ольга Ивановна, ссыльная из политических, подрабатывающая пошивом одежды на дому.

О л ь г а И в а н о в н а – Здравствуйте, Евдокия Ивановна! Что это от вашего дома полиция отъехала. Не случилось ли чего?

Д у н ь к а - Да это я своего постылого в тюрьму спровадила. Пусть подумает, как на приличных женщин руку подымать. Готова ли жакетка, любезная Ольга Ивановна?

О л ь г а И в а н о в н а – Вот примерьте-ка.(примеряют обнову)
Вы теперь Евдокия Ивановна как настоящая барышня
выглядите! Вам бы еще юбку как у Фенечки Ипатовой.

Д у н ь к а – Что мне Феня, я теперь с головы до ног во всё
господское оденусь. А не хватит денег – продам скотину и
дом. Не оставлять же всё японцам. Слыхала скоро уже ждем.
Не боязно вам, Ольга Ивановна ежели супостат то в
Александровск вступит?

О л ь г а И в а н о в н а – Мы ведь, любезная Евдокия
Ивановна, слава богу не уголовники, и японцы, как
цивилизованная нация, должны понять, что политические
ссылные приветствуют поражение царизма. Конечно мы не
союзники самураям, но и не враги Японии...

Д у н ь к а – Да мне что? Сахалин место гиблое, одна репа да
лопухи с крапивой, ядри их в корень... Что я тут потеряла? И
что нашла? А мне япошки ничего не сделают, только от
каторги избавят. Я первым делом на Хитров рынок в Москве
подамся, накуплю марафету и в кабак. Эх, погуляю с
кавалерами...

Действие второе

Николаевская улица поста Александровского – центра Сахалинской каторги.
Одноэтажные деревянные здания городка «сибирского типа». На домах
вывески «т.д. Чурин и К», «т.д.Кунста и Альберса», «Сахалинский
Экономический Фонд» и т.д. В перспективе улицы видна ограда из бревен с
надписью «АЛЕКСАНДРОВСКАЯ КАТОРЖНАЯ ТЮРЬМА РАЗРЯДА
ИСПЫТУЕМЫХ» На переднем плане тумба для объявлений. Время от
времени звучит колокол местной пятиглавой церкви, расположенной
неподалёку. Около тумбы стоят и разговаривают двое. Первый пожилой лет
пятидесяти гражданский чиновник с тростью. Одет в форменный сюртук.
Франтоватый вид и напوماженные усы не заслоняют собою умный взгляд,

осанку офицера и седые виски, свидетельствующие о пережитом. Это Карл Христофорович Ландсберг. Второй – юный румяный офицер-артиллерист, подпоручик Иван Николаевич Кругликов.

К р у г л и к о в – Здравия желаю, уважаемый Карл Христофорович! Как поживаете? Здоровы ли детишки? Благополучна ли Ольга Димитриевна?

Л а н д с б е р г – Рад вас видеть юноша! Спасибо за любезность, всё бы хорошо, любезный Иван Николаевич, да беспокоят вести с фронтов. Тяжко небось, нашему воинству на полях Манчжурии?

К р у г л и к о в – Да и не говорите уважаемый Карл Христофорович. После конфузии Куропаткина в марте под Мукденом, кажется, уже ничто не может помешать японцам проглотить и Сахалин, на который они давно облизываются. Да и что мы можем противопоставить самурайскому оружию? Вооружение, снаряжение, обмундирование японцев – безукоризненное. Носильщиков - кулей обилие, благодаря чему войска в высшей степени подвижны и могут забираться в самые глухие уголки тайги, не рискуя остаться голодными или без патронов. У каждого унтер-офицера имеются часы, бинокль, компас и точный план местности, где приходится действовать. И знаете, уважаемый Карл Христофорович, в картах убитых японских офицеров я встречал и карты нашего острова, которым позавидовал бы и наш Генштаб.

Л а н д с б е р г – Но господин подпоручик, мы же тоже готовимся к отпору неприятелю. Ваш перевод из Манчжурии с орудиями, разве не подтверждение этому?

К р у г л и к о в – Вы же бывший офицер, господин Ландсберг. Как можно сравнивать клиновые орудия системы Кане с неповоротным лафетом образца 1877 года с орудиями японцев? К тому же наши орудия, которых в недостатке изрядно изношены так, что при самой верной наводке дают

недолет от 300 до 600 шагов. А через несколько выстрелов начинается прорыв газов, грозящий гибелью оружейной прислуге. Японская артиллерия – другое дело. Новейшая 75 мм. пушка «Арисаки» образца 1896 года, дальность стрельбы 4,5 км., скорострельность 3 выстрела в минуту. С такой артиллерией неприятель и головы нам поднять не даст.

Л а н д с б е р г - Выходит Сахалин обречен? О чем думает губернатор? Ведь министр еще в прошлом году обещал укрепить Сахалин новыми орудиями?

К р у г л и к о в – Да, осенью «Тунгуз» привез в Александровск новенькие лафеты, а на пушки, видите ли, не хватило места. Российский бардак, а может и того хуже предательство. Думаю вам, уважаемый Карл Христофорович с семьей следует подумать о выезде на материк.

Л а н д с б е р г – Спасибо за заботу юноша. Да только Ольга Дмитриевна и слушать о том не желает. Почитай 25 лет в Александровске – целая жизнь. Здесь у нас дом, собственное торговое дело и комиссионный склад, могилка сыночка, наконец. В любом случае, благодарю за беспокойство. Всего наилучшего.

КАРТИНА ВТОРАЯ

На улице появляется следующая пара. Молодая красивая девушка с наброшенным на плечи ярким платком, в светлом жакете, полусапожках на каблучках. За тумбой с афишами прячется серая сгорбленная фигура в арестантском бушлате. Это- Архип Михайлов, ссыльнопоселенец, неопределенного возраста, неопрятный, небритый. Глаза белые от голода, унижений и внутренней боли. Девушка идет, улыбаясь, своим мыслям (молодости, красоте, погожему дню и т. д). Архип, дождавшись, когда девушка поравнялась с тумбой, выходит из-за неё, целует опешившую в алые губы и со словами: «Уж ты прости меня, красавица!» вонзает ей в грудь, выскользнувшую из рукава арестантскую заточку. Девушка, негромко охнув, медленно оседает на землю бережно поддерживаемая руками Архипа. Раздается свисток полицейского. На сцену вбегает исправник.

И с п р а в н и к: Что же ты наделал, сучий потрох? Да тебя прибить мало! По што невинную душу загубил?

А р х и п: Поступай как хошь вашбродь, а только не жить мне на воле то. Скотину свели окаянные, сожительница ушла к писаришке, да все запасы на зиму пропила. На что жить? Никогда не видел раньше кралю эту, даже имени её не знаю. Загубил её жизнь потому, что первая попалась на улице. Я в этот день свою мать родную и ту порешил бы. Потому как обессилел я на воле-то, будь она проклята, в тюрьме много легче. Так что: хошь убей, а хошь веди в тюрьму, там какая никакая еда, тепло, да крыша над головой. А работать мы сподручные.

И с п р а в н и к: Креста на тебе нет, душегуб проклятый. Сдохнешь ты у меня с тачкой на цепи! А ну шагай в тюрьму!

Действие третье

Просторная веранда губернаторского дома. Здесь, по обыкновению, за длинным столом с самоваром, в неформальной обстановке собрались на совещание офицеры Сахалинского отряда и руководство каторгой. Сцена наполнена гулом голосов, скрипом портупей, брызжанием старших пожилых офицеров и тихими смешками юных поручиков. Фенечка разливает желающим чай и предлагает сладости. В углу сцены на краю стола происходит разговор штабс-капитана Быкова и подпоручика Кругликова.

К р у г л и к о в: Интересно, что сегодня скажет губернатор?

Б ы к о в: Да ничего не скажет. Михаил Николаевич недурной человек, но не дай-то бог, если ему когда-нибудь придется командовать людьми... всех погубит.

К р у г л и к о в (смеясь): Неужели всех нас ?

Б ы к о в: И себя в первую очередь. Генерал то он генерал, но юстиции, военных премудростей не изучал...

Раздается команда старшего офицера «Господа, офицеры!» Громыхая длинными лавками, все встают. Шум стихает. Появляется Ляпунов, проходит во главу стола, произносит «Господа, офицеры! Присаживайтесь». Все садятся. Фенечка убегает. Рядом с губернатором, захватив с собою стул, усаживается полковник Болдырев, оглядывая присутствующих с видом триумфатора.

Л я п у н о в: Господа! Во время визита военного министра Куропаткина мы вкратце обсудили вопрос касательно обороны острова. По совету командования Приамурья, в стратегических талантах которого никто не сомневается, мною продуман вариант обороны наших главных центров — Александровска и Корсакова. Однако, что мы имеем в наличии, господа? Н а Севере Сахалина набирается 1160 человек, а для защиты Корсаковского округа едва 330 человек. Вы сами понимаете, что с такими ничтожными резервами невозможно оградить всю территорию острова, даже если привлечь к обороне острова наличный состав тюремного ведомства. После такого печального пролога я рад открыть свободные прения...

Б о л д ы р е в (мог бы и промолчать, но подчеркивая свою близость к губернатору, солидно прокашлявшись) Мне, кажется, план в основе безупречен, и мы, не сомневаясь в стратегических талантах нашего военного губернатора, выразим полное доверие к его способностям не только превосходного администратора, но и ... отличного тактика!

Б ы к о в (не выдерживая) Болтовня!

К р у г л и к о в (ему) Терпи, Василий.

Ф и л и м о н о в: О каком отпоре врагу тут говорили. При наших четырех пушках, без единого пулемета... много ли мы навоюем? Сейчас надо требовать с материка вооружение и резервы, а потом рассуждать о планах,... несомненно, талантливых!

Т а р а с е н к о: Ваши опасения за судьбу Сахалина, господа, напрасны, и вот почему. Существует международное соглашение в одном из разделов которого ясно сформулировано: местности, употребляемые для ссылки и наказания преступников, не могут являться театрами военных действий, не подлежат вторжению неприятеля и будут застрахованы от всяческой оккупации. Я предлагаю совсем отказаться от обороны Сахалина и отвести войска на материк дабы не провоцировать японцев.

Л я п у н о в: Всё это было бы очень мило, господин полковник, но только в том случае, если бы Япония признала этот параграф. Но японцы его на подписали, как бы заранее оставляя за собой право на оккупацию Сахалина...

О т е ц Г е о р г и й: Пусть микады только попробуют сунуться. Это им не Манчжурия. Мы наследники славы Суворова и Кутузова, не уступим врагу ни пяди своей земли! С нами бог!

Б о л д ы р е в (одобрительно) Дельно, батюшка, дельно говоришь!

Быков желает подняться, чтобы вступить в полемику. Кругликов пытается его удержать.

К р у г л и к о в: Не лезь хоть ты в эту говорильню, Василий!

Б ы к о в: Нет, я должен сказать. (Встает. Поправляет портупею и шашку на поясе) По моему мнению, никакие планы, даже согласованные с министром, не могут превратить Сахалин в неприступную крепость. Оборона острова возле Александровска и Корсакова заранее обречена на неудачу, ибо с моря мы не будем иметь никакой поддержки. Отнюдь я не утверждаю, что борьба с противником невозможна. Она возможна даже с малыми силами, но лишь партизанскими методами!

Слышится оскорбительный смех Болдырева и старших офицеров.

Б о л д ы р е в: Быкову захотелось славы Дениса Давыдова! Но партизанщина давно сделалась дедовским анахронизмом...

Л я п у н о в: Не мешайте говорить господу! Продолжайте, Василий Петрович! Но прежде я сам желаю вас спросить: как же вы рассчитываете вести партизанскую борьбу, если войска гарнизона обязаны остаться частями регулярной армии, а населения не хватит, чтобы устроить самураям подобие 1812 года?

Б ы к о в: Не хватит населения свободного, зато у нас достаточно каторжных. Ради отпора врагу следует вооружить арестантов и всех крестьян из разряда ссыльнопоселенцев.

Лавки под присутствующими закрипели, раздались возмущенные голоса.

Т а р а с е н к о: Да что он говорит? Дайте этим мерзавцам оружие, так они из нас все кишки выпустят и разбегутся кто куда...

Б ы к о в: Именно такой реакции я и ожидал, господу. Но, если преступников, выразивших желание вступить в ополчение, воодушевить амнистией, то многие из них охотно возьмут в руки оружие... Да конфликты с каторжанами возможны, но они могут возникнуть в сведении счетов с тюремщиками. А мы офицеры регулярной армии, составляя гарнизон Сахалина, защищаем на каторгу, а своё отечество! Неужели и каторжане не проникнутся этой мыслью?

Л я п у н о в: История не знает такого примера, чтобы узник, сидящий в тюрьме, с оружием в руках отстаивал честь своей тюрьмы от нападения. Ваша неожиданная для всех точка зрения на оборону Сахалина вносит в мои планы столь существенные поправки, что я буду вынужден доложить о них в Хабаровск и, надеюсь, из Хабаровска ваше оригинальное мнение, Василий Петрович, будет доложено еще выше. А

теперь господа, позвольте откланяться. Звучит команда. Все встают. Занавес закрывается.

Действие четвертое

Вечер. Тюремная камера. В узкие бойницы окон едва пробивается дневной свет. На окнах камеры решетки. Чадят керосиновые лампы. Стены из еще свежих еловых бревен блестят от копоти и сажи. Они разрисованы похабщиной и полны бегаящими насекомыми. По диагонали камеры протянулись веревки для просушки барахла. На узенькой полке выстроились кружки, котелки для еды и чайники. В противоположном углу параша (Парасковья Федоровна) трех ведерный бак с ручками. На переднем плане двухъярусные нары. Верхние(лучшие) места по тюремной традиции занимают «иваны» и «храпы»-камерная элита, среди них Кобылянский. На нижних «этажах» многие арестанты в кандалах. Фоном одинокий голос протяжно поет песню «По диким степям Забайкалья..» Наверху нар играют в карты. Оттуда время от времени раздаются азартные всплески голосов:

-Пять рублей мазу! Задавься ими глот.- Бардадым... я уже пас, катись налево! -Мой терец выше шпана! –Свети хваль торбохват!- Держу шелихвостку...на ять дамочка...

На нижней полке происходит диалог заключенных.

П е р в ы й:(сотрясаясь от кашля) Васька–то Кошкодав уже год у врачей валяется.

В т о р о й: Везунчик, вот кому подфартило! А чо с ним? Чахотка мабудь?

П е р в ы й: Да рак нашли. Теперь жизни не нарадуется.

В т о р о й: Господи, пошли и нам экую хворобу...

Лязгают затворы железной двери и исправник объявляет

И с п р а в н и к: Потеснитесь, хвостобои! Тута еще парочка «самородков»!

Появляются в кандалах Егор Ничков и Архип Михайлов. Егор присаживается на краешек нижних нар. Сверху ему кричит

К о б ы л ь а н с к и й: Ну ты, кувыркала для тебя тут места нет!

Архип со словами «А мне и тут ладно» лезет под нижние нары ближе к параше и видимо впервые за многие месяцы, улыбаясь, засыпает счастливым сном. Между тем продолжается расспрос Егора.

К о б ы л я н с к и й: А скажи нам, милочек что там слышно про амнистию? Скоро ли к нам японцы пожалуют?

Е г о р: Надесь слышал на майдане от конюха полковника Тарасенко, что вышел де приказ наместника на Дальнем Востоке адмирала Алексеева о формировании вольных дружин по типу партизан. Те из состава каторги, кто проявит желание вступить в ряды ополчения, получают от императора полное прощение и будут снабжены оружием и продовольствием на первое время...

К о б ы л я н с к и й: Да в гробу я видел подставлять голову за царя-батюшку! Он мне бессрочную каторгу, а я ему «Рады стараться!» Тьфу! А с японцами тоже жить можно. Был у меня перед отсидкой один знакомец Такаси Кумэда. Шустрый такой японец. Всё медвежьими тропами интересовался. А на прощанье одарил аж целковым. Так, что жить можно.

Е г о р: Окститесь православные. Никак лазутчик тот япошка-то? Не след нам землю отдавать супостату не по христиански это. Да и земля тутешняя не хуже орловской будет. И неволя японская вряд ли лучше (говорит засыпая) Свет на сцене меркнет.

Картина вторая

Утро следующего дня. Та же камера. Лязг запоров. Входит исправник.

И с п р а в н и к: Встать! Шапки долой! Указ! «Божиею милостию мы Николай Второй император и самодержец всероссийский, царь Польский, Великий князь Финляндский, и прочая, и прочая, и прочая... повелеваем: Каторжникам, которые захотят записаться добровольцами против врага,

считать один месяц каторги за год. Тем же из каторжников, которые перешли в крестьянское сословие ссыльнопоселенцев и запишутся в дружины Сахалина, предоставить после войны право на казенный счет вернуться на родину и селиться где угодно по всей России, даже в её столицах!» Звучит троекратное каторжанское «Ура!».

Действие пятое

Опушка леса. Ландсберг и Филимонов проводят боевые занятия с дружинниками. В облике бывших каторжан почти ничего не изменилось. Те же арестантские шинели или бушлаты. Те же серые арестантские бескозырки. «Счастливики» гордо красуются в настоящих фуражках, наподобие военных. Новое в одежде дружинников – православный крест вырезанный из жести, помещенный на головном уборе, патронные подсумки из мешковины, перекиннутые через плечо, да старинные берданы с примкнутыми штыками в руках. С этими берданами по команде Филимонова дружинники то берут «штурмом» деревенский забор, то «по-суворовски» колют штыком деревья в лесу, то выполняют строевые упражнения.

Ф и л и м о н о в: Господи, как только японцы узнают о нашем воинстве, сразу разбегутся. От вас аники-воины видно толк только на казенных рудниках.

А р х и п: Ты меня, господин хороший, обратно под нары не запихнешь! Я тебе не кто-нибудь, а дружинник! Шапки ломать не стану!

Ф и л и м о н о в: А в морду хошь?

А р х и п: Только тронь! Мы тебе темную устроим! Да что он ругается, Карл Христофорович, чай не в камере. Хоть ты за нас вступишь.

Л а н д с б е р г (обращаясь к дружинникам) Слушайте меня! Я понимаю, что для многих из вас родина, наша великая, наша прекрасная, наша необъятная Россия, стала только злой мачехой. Но я, командир первой Александровской дружины, ваш начальник, не нуждаюсь в услугах тех, кто пошел в

ополчение ради благ царской амнистии, ради лишнего черпака баланды, ради чистых кальсон из теплой байки. Отечеству такие «защитники» не нужны!

Е г о р (одобрительно): Золотые ваши слова.

Ф и л и м о н о в (поднося к лицу Егора крепкий кулак, обтянутый скрипящей кожей новенькой перчатки) Вот это ты видывал? Хорошо еще на меня нарвался, но попадись другому, он бы тебе все зубы выполоскал именно за то, что перебиваешь речь офицера.

Е г о р: Уже!

Ф и л и м о н о в (не поняв) Что «уже»?

Е г о р: Передних уже нету. Жую боковушками.

Л а н д с б е р г: Наверное заслужил... (продолжая) Я формирую свой отряд только из честных людей, которые искренне ступают на опасную тропу партизанской борьбы по чувству любви к отечеству. А других не надо! Всех шкурников – вон! Не буду от вас скрывать, что положение дружинника куда как хуже, чем просто солдата. Если воин регулярной армии может рассчитывать на жизнь в плену, то ... Впрочем, если хотите вот вам японская листовка (читает) «Японское войско приносит свободу русскому народу, и эта свобода скоро вспыхнет и на Сахалине... Знайте, что японское войско приходит, чтобы спасти вас из рук правительства, которое, заковав всех в цепи, предало вас безвестным терзаниям. Хотя ваше сопротивление не может иметь значения для победоносной японской армии, тем не менее мы предупреждаем всех каторжан добровольцев, что все они, кто осмелится поднимать оружие против нас, **БУДУТ БЕСПОЩАДНО ИСТРЕБЛЕНЫ**». Теперь, главное. Вчера 7 июля 1905 года японцы высадились на Южном Сахалине. Первое что они сделали – отрубили головы 200 жителям села

Владимировки. Никого не пощадили. Ни женщин ни детей. Вот, человек оттуда, беженец.

Б е ж е н е ц: Они всех убивают, братцы, даже малых ребят не щадят. И ведь какие нехристи! Сначала конфетку даст, по головке погладит, а потом... потом головой о стенку. Мы всё бросили, что наживали, только бы живыми выбраться..

Л а н д с б е р г: Со дня на день надо ждать японские корабли под Александровском. Так что мало у нас осталось времени товарищи. (друзинники молча и усердно продолжают занятия с оружием)

Действие шестое (картина первая)

Веранда губернаторского дома. Фенечка поит чаем Ляпунова, Болдырева, Тарасенко, о.Георгия

Л я п у н о в: Господа, вы уже в курсе, что японцы высадились на Южном Сахалине. Значительные силы неприятеля направлены сюда морем. По данным разведки соотношение сил приходится - один к десяти. Диспозиция обороны сводится ... к отступлению внутрь острова. Сначала мы отходим тремя колоннами из Арково, Дуэ и Александровска в Рыковское. Всей массой ретируемся на юг до Корсакова,... где и нанесем главный удар противнику. Чем дальше заведем японцев от моря, тем больше надежды на то, что они завязнут в наших непроходимых буреломах, погибнут в топях, а партизаны довершат их истребление. Но даже преследуя нас японцы вынуждены будут побросать свои пушки, они устанут волочить за собой пулеметы, когда увидят, что внутри Сахалина не пройти даже бывалому охотнику...

Т а р а с е н к о: Вряд ли японцы рискнут напасть на Александровск – столицу каторги. Мы рассуждаем о нашей обороне не потому что, нам придется обороняться, а так...на всякий случай...

Ф и л и м о н о в (вбегая с телеграммой в руке) Господа! Все наши опасения оказались излишни и преждевременны. Только что на телеграфе принято извещение о том, что государь император выразил высочайшее согласие на предложение Рузвельта к скорейшему заключению мира...

Присутствующие кричат Уррр-а-а!

Л я п у н о в: Я счастлив, господа, присутствовать среди Вас в этот незабываемый момент скромной сахалинской истории. (Обращаясь к о.Георгию) Не отслужить ли нам по этому поводу торжественный молебен?

К р у г л и к о в (вбегая) Ваше превосходительство, на рейде Александровска – японские корабли!

Л я п у н о в: Да полно-те подпоручик! Может, как по весне обознались, приняв льдины с навозом за миноносцы? Война, как нам сообщили, подошла к логическому концу...

К р у г л и к о в: Никак нет, Михаил Николаевич! Теперь точно. Невооруженным глазом насчитал около 80 японских вымпелов. В районе Арково высадка десанта уже началась. Какие будут распоряжения?

Л я п у н о в: Запомните, господа, этот черный день для истории Сахалина 11 июля 1905 года! Появление неприятеля в огромном количестве резко меняет дело. Во избежании жертв и лишнего кровопролития... объявляю Александровск открытым городом! Отрядам держать фланги в Арково и Дуэ. Основным силам отступать через Михайловку на Рыковское. Отступать с боем, но в бой не ввязываться!

Ляпунов и старшие офицеры спешно покидают сцену. Слышны возмущенные возгласы уходящих Филимонова и Кругликова: Как же так? Драпать? Без боя? Что мы не русские? А как же гражданское население ?

Картина вторая

Та же веранда губернаторского дома. Куча чемоданов и узлов. О.Георгий, Ольга Ивановна, Дунька, Фенечка, исправник, дети. Звучит артиллерийская канонада, треск пулеметов, звон разбитого окна.

Л а н д с б е р г: (вбегая) Где губернатор?

О. Г е о р г и й: Удрал его высокопревосходительство.

Л а н д с б е р г: А вы что здесь делаете?

О. Г е о р г и й: Не я один ищу спасения в доме губернатора. Тут собрались почти все чиновники правления с женами и детьми. Вот сидим и ждем, когда нагрянут японцы.

Л а н д с б е р г: И не стыдно Вам?

И с п р а в н и к: А чего стыдиться? Мы остались на своем месте ...не то что другие! Японцы подержат, да отпустят. А вот попадись нашим живоглотам-каторжникам, так они мне все кишки выпустят...

Раздается длинная очередь из пулемета.

Фенечка: (выглядывая в окно) Ой, да это ж Ванечка Кругликов стреляет прямо из под церковной ограды...

И с п р а в н и к: Пусть проваливает отсюда! Герой нашелся... Воевать надо было раньше, еще в Маньчжурии, и нечего нам тут Порт-Артур устраивать!

Вбегает с перевязанной головой Кругликов.

И с п р а в н и к: Вы же погубите нас! Японцы отомстят за вашу стрельбу. С Вас то много не спросишь, а у нас жены, дети, всё, что годами накоплено... верой и правдой... как положено...

К р у г л и к о в: Так убирайтесь отсюда ко всем чертям!

Д у н ь к а (подбоченясь): Сам убирайся отсюда со своей тархтелкой! Ты сначала посмотри, под каким ты знаменем воюешь! (из окна веранды выглядывает белая простыня на древке).

К р у г л и к о в (скрипя зубами) С-с-сволочи... вас бы косить... вместе с врагами...

Ландсберг и Кругликов выбегают. После небольшой паузы, на фоне продолжающейся перестрелки.

О. Г е о р г и й: Идут! Господи, сохрани и помилуй нас...

На веранду вваливаются Такаси Кумэда и двое японских солдат. Кумэда пытается угощать детей конфетами. Дунька в свою очередь строит ему глазки. Солдаты, не обращая внимания на протесты, ловко похватили чемоданы и узлы с вещами чиновников выкидывая их на улицу не только в дверь, но и в окна. Кумэда предлагает мужчинам положить на стол свои часы и кольца. Женщинам избавиться от украшений, не забыв выдернуть из ушей серьги. С отца Георгия срывают крест. Ольга Ивановна опустилась на лавку и зарыдала. Японский солдат потянул её за грудь, говоря при этом :Русске сэнсын – холосый сэнсын... Банзай!

Д у н ь к а: Да будь ты проклят, зараза паршивая! Ты не сын Страны восходящего солнца – ты просто сукин сын...

Действие седьмое

Изба переселенца в с Михайловке (из первого действия). Ландсберг, Кругликов, Егор, Архип.

К р у г л и к о в: Если в Порт-Артуре война нас застала врасплох, то на Сахалине об этом сказать нельзя. Что ж это за вояки... Нельзя же отдавать города без боя...

Л а н д с б е р г: К сожалению, от нас, Иван Николаевич, мало что зависит. Предательство бессрочно каторжного Кобылянского, который завел неприятеля в тыл Арковского отряда, свёл к бессмысленности оборону Александровска.

Одно предательство – порождает другое. Полковник Болдырев оголил фланг, отступил без боя за Камышев перевал. В результате создалась угроза окружению основных сил сахалинского отряда, отступающего через Пиленгский перевал на Рыковское. Иначе как предательство, я поведение старших офицеров назвать не могу. Но не всё еще потеряно други мои. Есть еще такие герои как партизаны Быкова, Таирова и Гротто-Слепиковского. Их отряды успешно бьют японцев на юге острова. Василий Павлович Быков с боем идет на подмогу к нам. Наше место в этой войне по-видимому здесь, на Пиленгском перевале. Согласно приказу командования, нашему арьергардному отряду выпала задача – задержать на сколько можно главные силы Сендайской дивизии вот тут у Ведерниковского Станка (показывает на карте) Силы не равны, на одного нашего плохо обученного и слабо вооруженного дружинника приходится по десять солдат одной из лучших на сегодня армий.

К р у г л и к о в: Вот эта арифметика по мне! А что это за Ведерниковский Станок?

Л а н д с б е р г: В бытность начальника острова полковника Ведерникова поставили Станок на вершине Пиленгского перевала для предотвращения побегов каторжан. Да разве их остановишь? А сейчас кордон пустует. Несколько складов с припасами для путников, да избенка. А вот место для обороны тут замечательное. Как древние греки при Фермопилах мы можем некоторое время сдерживать силы превосходящего противника.

(Обращаясь к Егору) Тебе же, Ничков, особое задание. Бери харчи, и налегке проберись к Быкову. Объясни ему ситуацию, пусть торопится на помощь. Мы будем ждать его вот здесь...(показывает на карте)

Е г о р : Не беспокойтесь, Карл Христофорович! Всё сделаю в лучшем виде. Нешто я не русский?

К р у г л и к о в: Архип, а ты зачем с собою кандалы таскаешь. Никак отвыкнуть не можешь?

А р х и п: Если на руку намотать, ваше благородие, да самурая по чердаку трахнуть, так с него столько пыли просыпется...
(все смеются)

Л а н д с б е р г: Ну, а мы, Иван Николаевич, давай посмотрим как лучше нам оборону держать.(подвигаются к карте)

К р у г л и к о в: Пушки нам уже обуза. Лошадей нет. Людям на руках артиллерию через перевал не перетащить. Предлагаю встретить японцев у Висячих камней шквальным огнем. По расходуванию снарядов, пушки взорвать и сбросить в пропасть. Это задержит неприятеля на день. Я им еще подарок придумал – под мосты подложил фугасы. Этим мы еще выиграем время...

Л а н д с б е р г: Дельно! Так и поступим. А теперь всем отдыхать.

Действие восьмое

Опушка леса. Японские солдаты устанавливают памятник из глыбы камня с надписью иероглифами. Перед ними стоит майор Такаси Кумэда. Японский солдат вводит связанного Егора.

С о л д а т: Господин майор, пойман партизан.

К у м э д а: Очень хорошо! Скажи-ка голубчик, видишь я хорошо знаю русский язык, куда ты идешь?

Е г о р: Так местные мы, господин офицер, за харчами в Рыковское ходил.

К у м э д а: Почто пустой-то?

Е г о р: Вам лучше знать, ваше благородие. Всё село, даже детей малых партизанами признали, да отправили сами знаете куда. Даже похоронить некому!

К у м э д а: Молчать! Как ты смеешь так разговаривать с офицером победоносной армии императора Мацухито? С тобой будет тоже, что и с непокорными жителями Рыковского, если я не услышу правды! Мне известно, что ты послан Ландсбергом к Быкову. Где они должны встретиться? Отвечай! Губернатор Ляпунов со штабом сдался в плен. Война закончилась. Тебе некому хранить верность. Одно слово и ты - свободный человек!

Е г о р: Сдаваться, ваше благородие, - дело господское. А только я так скажу. Хоть я и жил может хуже других, только честь свою понимаю и смерть приму за Рассею-матушку, как её защитник, ей я и останусь верным, да своим товарищам, что лупят вас басурман на нашей сахалинской земле! А более мне вам сказать нечего...

К у м э д а: Ну что ж, сам выбор сделал!

Дает знак солдатам. Те ставят Егора на колени. Рассекая воздух, сабля опускается на голову Егора.

К у м э д а (снимая на минуту фуражку, обращаясь к солдатам) Учитесь умирать за Родину! (смотрит в карту) Ведерниковский Станок... Я запомню это место... Я потерял многих друзей на полях Маньчжурии, но они погибли от рук воинов действующей армии. Что я отвечу родным и близким потомков самураев лежащих здесь в глухой тайге? Убитых кем? Вчерашними каторжниками. (читает на памятнике) «Здесь у Ведерниковского Станка был покорен Сахалин.» Это верно. Страшное слово – партизаны. Они побеждают без всякой логики. Мы понесли в боях с партизанами больше потерь, чем в открытых боевых действиях. Горстка необученных каторжников задержала на

несколько дней целую дивизию. Всё же русские – великие воины! А сколько их еще в тайге с оружием в руках. Нет до конца войны ещё далеко...

Раздаются выстрелы. Падают замертво японские солдаты. На опушку вбегают капитан Филимонов и Архип Михайлов.

К у м э д а: Остановитесь господа! Я, майор победоносной армии микадо! Ваши командиры у нас в плену! Дальнейшее сопротивление бесполезно! Предлагаю Вам почетную сдачу в плен. Я гарантирую Вам пищу, свежую одежду, достойное проживание в Японии...

Ф и л и м о н о в: Полно-те, господин майор, не ведите себя как победитель. Пока на Сахалине звучат выстрелы, пока сражаются отряды Быкова, Гротто-Слепиковского, Таирова, мои товарищи – рано говорить о победе! Вот лежит простой русский патриот Егор Ничков, ничего хорошего он в своей жизни не видел. Но у него оказалось больше совести, чем у многих господ офицеров. Его подвиг оценят потомки! И пока сахалинская земля не оскудела на таких «егоров», вам не бывать на ней хозяевами!

Занавес закрывается. На экране высвечивается фотография 1905 года, изображающая защитников поста Александровского. Фоном звучит песня из к/ф «Офицеры» без музыкального сопровождения:

От героев былых времен
Не осталось порою имен.
Те, кто приняли смертный бой
Стали просто землею сырой ...

Перед занавесом выходит Ландсберг и зачитывает рапорт:

Л а н д с б е р г:
3 августа 1905 года.

Начальнику
местных войск острова Сахалина.

Рапорт.

Во исполнение лично полученного мною приказа
Вашего Превосходительства докладываю о тех нижних чинах
и дружинниках вверенной мне 1-й Александровской
дружины, которых я видел в делах, бывших героями и
заслуживающих быть награжденными знаком отличия
военного ордена:

*Фельдфебель Сафронов,
ст.унтер-офицер Коновалов,
ефрейтор Качкин,
ефрейтор Ивлев,
дружинники Кресовский,
Ничков,
Курденко,
Рымбалюк,
Михайлов,
Семенчук,
Добролюбов,
Курбатов.*

Звучит музыка вальса «Амурские волны». На экране появляется памятник на
Ведерниковском Станке.

ББК 84 (2Рос-4Сах)6

С 50

Смекалов, Григорий Николаевич

Ведерниковский Станок (героическая трагедия о 1905
годе) [Текст]: пьеса в 8 действиях, 6 картинах/ Г.Н.
Смекалов.-Александровск-Сахалинский: МУ
Александровск -Сахалинская ЦБС, 2004.-24 с.

Редакционная коллегия:

Пчелинцева Т.В., Хрипунова И.А., Енина Е.Б.

Набор: Смекалов Г.Н.

Компьютерная верстка, оформление обложки: Пчелинцев Е.А.

г.Александровск – Сахалинский, ул.Дзержинского, 15
Тираж 100 экз.